

МАРИНА МИХАЙЛОВНА ВАЛЕНЦОВА*

К семантике и этимологии карпато-украинского *осинавець*¹

VALENTSOVA, M. M.: To Semantics and Etymology of Carpathian-Ukrainian *Osinavets*. *Slavica Slovaca*, 55, 2020, No 3, pp. 399-407 (Bratislava).

The article is devoted to one demonym in the local Hutsul tradition, which, although well described, requires further study. The article presents the results of the analysis of the previous etymologies of the term, important clarifications are made. Arguments are given in favor of the origin of the term *osinavets* from the word-amulet *osina*, which in turn represents an elliptical form of the curse *So that aspen to you (aspen stake to You)!* This etymology explains the phonetic, accentological, semantic characteristics of different variants of the term. Ethnolinguistic material does not give reason to consider the term under discussion as modified old rus. *sinьсь* (hypothesis of N. I. Zubov).

Slavic demonology, Hutsul tradition, South-west Ukrainian dialects, etymology, aspen.

Демонологический персонаж *осинавець* ‘черт’ известен, кажется, исключительно в гуцульском карпато-украинском говоре в с. Зеленица (ныне Черник, входящий в сельсовет с. Зелена Надвирнянского повета Ивано-Франковской области). О термине известно из материалов Антона Онищука, опубликованных в 1909 г.,² откуда демоном вошел в другие описания гуцульской низшей мифологии: *Дідько (дiттьо) ‘черт, дiдько’, зовeтьcя обyчнo Осинавець...³ Осинаўци вигiли старi люди. Вiн такий, як саджомет (коминар), але має крила гей лилик, й має рiжки закрученi так, як у барана, має фiст. Але вiн перемiтує сi уськико, на ката, на чоловiка – уськико [Осинавцев видели старые люди. Он такой, как трубочист, но у него крылья как у летучей мыши, и есть рожки, закрученные, как у барана, есть хвост. Но он превращается во все, в ката, в человека – во всё].⁴ Як котра аби робила у пeтницю, то по смертi ти Оснаўци будут i наповати золоў [Если котрая (женщина) работала бы в пятницу, то после смерти эти осинавцы будут ее поить золоў].⁵ Няўки вiдбувають свої танци лиш одного дня в мiсяци. Танци такi не бують без музик; при такiй «оказiй» пригриває Няўкам Осинавець на дутках [Навки танцуют только один раз в месяце. Такие танцы не бывают без музыки; в этом случае навкам подыгрывает на дудке осинавец]⁶ и др.*

*Марина Михайловна Валенцова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119334 Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32 А.

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-012-00300А «Низшая мифология славян: новые методы и подходы к исследованию».

² Онищук, А.: Матерiяли до гуцульської демонологiї. Записанi у Зеленици, Надвiрнянського повета, 1907–1908. In: Матерiяли до української етнологiї. Том XI. Ч. 2. Львiв: Етнографiчна комiсія Наукового товариства iм. Шевченка, 1909.

³ Хобзей, Н. – Ястремська, Т. – Сiмович, О. – Дидик-Меуш, Г.: Гуцульські свiти. Лексикон. Львiв: Інститут українського мовознавства iм. I. Крип'якевича НАНУ, 2013, с. 234.

⁴ Онищук, А.: Матерiяли до гуцульської демонологiї..., с. d., с. 71.

⁵ Онищук, А.: Народний календар у Зеленици Надвiрнян. пов. (на Гуцульщинi). In: Матерiяли до української етнологiї. Том XV. Львiв: Етнографiчна комiсія Наукового товариства iм. Шевченка, 1912, с. 14.

⁶ Онищук, А.: Матерiяли до гуцульської демонологiї..., с. d., с. 56.

Демоним заменяет название черта также в значении 'демон-обогадитель' (укр. *хованец*): *Я чув, що Осинауїців продают у Гошові* [Я слышал, что чертей-обогастителей продают в Гошове]. *Тато приказували, що оден пішоу до Сигота купувати «того» – осина... Дивит сї він – а то у середині, у ті фльицині, таке гей пуголовиці; тай як то стало мішвати сї, як стало веркати сї – и зробиу сї из того маленький Осинавец* [Отец говорил, что один пошел в Сигот покупать «того» – осина (ему)... Он смотрит – а в середине, в той бутылке такое как головастик; да как оно стало смешиваться, как стало вертеться – и сделался из него маленький осинавец].⁷ Как видно из вышеприведенного, *осинавци* имеют функцию черта, и семантически не выходят за рамки этого образа. Самого демона-обогастителя, *хованца*, в регионе тоже нередко считают и называют чертом; о «переплетении образов *годованця* и чорта» писала и Н. Войтович.⁸

От названия *осинавец* был образован демоним женского рода – *осинавчиха* / *осинаучиха*: *Нехрещену дитину треба дуже берегти, щоб її часом Осинаучиха не підміняла за свою* [Некрещеного ребенка надо очень оберегать, чтобы его случайно осинавчиха не подменила своим], а когда мать ребенка побила подменыша прутьями-однолетками, *загреміло, звіяли сї вихторі тай нараз Осинаучиха вергла ї дитину, шо заміньила, а свое ухопила и заклъила тай пішла з вітрами* [загремело, задул сильный ветер, и сразу осинавчиха бросила ей ребенка, которого подменила, а своего схватила, заругалась, да и пошла с ветром].⁹ Тенденция образования родовых пар мифологических персонажей в славянских традициях достаточно распространена, например: рус. *водяной* и *водяниха*, *домовой* и *домаха*, укр. гуцул. *упир* – *упириця*, пол. диал. *upiorz* – *upiorzusa*, словац. *bohynka* – *bohynár*, *runa* – *runiak*, *lesná žienka* – *lesný muž*, чеш. *mora* – *morák* и даже словац. *ježibaba* – *ježibábel'*, чеш. *ježibaba* – *ježidědek* и др.

Проследить этапы появления имени *осинавец* в гуцульской локальной традиции дают возможность смежные мифологические контексты, где черт называется эвфемистически «он», «тот» и т.п. с неизменным прибавлением вербальной апотропеической формулы: *Згадують чорта і кажут: «Пек їму! Аби ти пек, осина їму»* [Вспоминают черта и говорят: «Чтоб ему! (букв. Чтоб он сгорел [или] Смола ему, осина ему!). *Осіна би му (їму), ти (тобі)* [Осина бы ему, тебе!] (гуцул.).¹⁰ *Пек му! осина му!* (в том числе как оберег от духа умершего, блуждающего по ночам).¹¹ *Цур тобі! Осина тобі!*,¹² *Бодай ти осина!*¹³ *Осіна бі ти* – редк. использует как ругательство (Березови, гуцул.).¹⁴ и др.

Благодаря частому и необходимому употреблению этого вербального оберега произошло эллиптическое сокращение фраземы до слова-оберега *осина* (в контекстах наряду с фраземой): *Як Бог хотіли зробиити землю, то післали «его» – осина – у присподню, аби виніс землі* [Когда хотел Бог сделать землю, то послал «его» – осина – в преисподнюю, чтобы вынес земли].¹⁵ *Він – осина – так як чоловік, але має роги, як цап и борідку и фіст такий гей у корови. Він - цураха му - льичний дуже* [Он¹⁶ – осина – такой, как человек, но с рогами, как козел, и борода, и хвост

⁷ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 74, другие примеры приводятся в: Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002, с. 148.

⁸ См.: Войтович, Н.: Народна демонологія Бойківщини. Львів: Сполом, 2015, с. 69.

⁹ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 83.

¹⁰ Хобзей, Н. – Ястремська, Т. – Сімович, О. – Дидик-Меуш, Г.: Гуцульські світи, с. 443.

¹¹ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 15.

¹² Словарь української мови. Т. 3. Київ: Видавництво академії наук Української РСР, 1959 (надруковано з видання 1907–1909 гг.), с. 66.

¹³ Онишкевич, М. Й.: Словник бойківських говірок. Ч. 2. Київ: Наукова думка, 1984, с. 27.

¹⁴ Негрич, М.: Скарби гуцульського говору: Березові. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008, с. 126.

¹⁵ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 2.

¹⁶ Он (він) в гуцульській традиції – общеупотребительное эвфемистическое имя черта. По пояснению А. Онищука, если имеют в виду человека, то прибавляют: он, крещений или он сам... Ср. Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 64.

такої, як у корови. Он – чур ему – очень разный].¹⁷ Там колись даўно ударіў грім у сміреку і найшли люди на кім місці кроў із «него» – осина; – так як два кулаки за велькіий буў кавалок. То він – осина му – сховаў сі під гачугу, а грім у него уціліў і убіў. Через то називає сі тота гора Чортка і так такі у мані стоїт [Там когда-то давно ударил гром в ель, и люди нашли на этом месте кровь «его» – осина – так как два кулака был кусочек. Это он – осина ему – спрятался под елочку, а гром в него попал и убил. Поэтому и называется эта гора Чортка, и так на карте и обозначено].¹⁸ У телефоні, то «тот» – осина – кьигне голос. То у зажонді сидит один у ті скринці, а другий – осина єму – сидит у другі скринці... [В телефоне, это «тот» – осина – тянет голос. Это в аппарате сидит, один в этой коробочке, а другой – осина ему – сидит в другой коробочке...].¹⁹

Очевидно, что в этих примерах *осина* является словом-проклятием, на что указывает параллельное употребление *осина* и *осина му*; чередование как синонимичных проклятий «осина му» и «цураха му»; употребление *осина*, sg. при назывании множества чертей («они», pl.): ... а то «они», осина, хоки на землі заложити собі своє царство [а то «они», осина, хотят на земле основать свое царство]; отсутствие согласования в падеже: и тоті гроші єму – осина – віддали [и эти деньги ему – осина – отдали].²⁰ Вообще примеров с упоминанием имен черта при обязательно следующим за ним *осина* (*він – осина –*; «тот» – *осина –*; *чорт, осина,*; *Біда – осина єму –*; *гітько – осина му –*) довольно много.²¹

При этом *осина*, *оссина* встречается в материалах А. Онищука и в таких контекстах, где его можно понимать и как демоним, хоть еще до конца не выкристаллизовавшийся: *Коло каждого чоловіка є ангіль и чорт-осина*.²² *У вільсі є кроў того осина, длятого она така червона* [В олхе кровь того осина, поэтому она такая красная].²³ Возможно, в последнем примере неоднозначность значения могла бы устранить иная (более правильная?) пунктуация, например: *У вільсі є кроў «того», осина, длятого она така червона* – скорее всего, этот смысл и имелся в виду самим автором. Тремя годами позже В. Гнатюк указывает *осина* как одно из наименований черта (в названии главы) в украинской демонологии: *Чорт (біс, діявол, дідько, щезби, щезник, він, той, пек му, осина, осинавець, скаменюшник, злий, сатана)*,²⁴ однако контекстов с этим именем не приводит. Не исключено, что именно с легкой руки В. Гнатюка слово *осина* стало иногда восприниматься как демоним.²⁵ Н. Хобзей, автор и соавтор ряда книг по мифологии и традиционной культуре гуцулов, отмечала, что хотя название *ос(с:)ина* в современных говорах и связано с понятием ‘черт’ (согласно Картотеке словаря гуцульских говоров), однако для обозначения черта это название самостоятельно не употребляется.²⁶

О возникновении эвфемистического имени *осинавець* (показательно, что сам автор не добавил к нему *осина*) определенно высказывался сам А. Онищук: *Чорт – назву сю рідко найдеи*

¹⁷ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 71.

¹⁸ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 6.

¹⁹ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 71.

²⁰ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 15, 98.

²¹ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 15, 66, 69, 71, 74, 77, 88, 89, 90, 92, 98, 99.

²² Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 69.

²³ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 44.

²⁴ Гнатюк, В.: Знадоби до української демонології. Т. II, вип. 1. Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імені Шевченка. Т. XXXIII. У Львові: Накладом наукового товариства імені Шевченка, 1912, с. VIII.

²⁵ В более поздних изданиях, в которых перепечатывались работы В. Гнатюка, из списка имен черта осина и осинавец исключены, см.: Украинці: народні вірування, повір'я, демонологія. Изд. 2. Київ: Либідь, 1992, с. 386, где текст воспроизводится по изданию: Гнатюк, В. М.: Вибрані статті про народну творчість. Зап. Наук. товариства імені Шевченка. Нью-Йорк, 1981, т. 201.

²⁶ Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. d., с. 150.

у Зелениці; звать його звичайно *Осиновец* (дехто вимовляє *Оссинаўец*), він – *цураха му*, «*тот*», *тот*, що у скалі, *тот* – скаменів би, *тот* – що у трісках, *тот* з ріжками, *тот* – що не вільно задувати, *пек му*, а часом – хоч дуже рідко – *диявіл*, *гітько і луципер*... Взагалі зі словом *чорт* обходяться дуже обережно, рідко його споминаючи [Це називає рідко найдеш в Зелениці; обычно его зовут *осинавец* (кое-где произнозят *осинавец*), он – *чтоб ему*, «*тот*», *тот*, *что в скале*, *тот* – *чтоб он окаменел*, *тот*, *что в щепках*, *тот* с *рожками*, *тот* – *которого нельзя вспоминать*, *чтоб он сгорел*, а иногда – хотя и очень редко – *дьявол*, *черт*, *луцифер*... Вообще со словом *черт* обходяться очень осторожно, вспоминают его редко].²⁷

Очевидно, что название *осинавец*, стоящее в одном ряду с другими описательными эвфемизмами и формулами-проклятиями, образовано от проклятия «чтоб ему осина / осиной» (об осине с мифологическими коннотациями см. ниже). Модель производности демонимов от слов-апотропеев достаточно продуктивна в карпато-украинском регионе: помимо *осина* → гуцул. *осинавец*²⁸ еще *пек ти!* *пек тобі!* *пек їйму!* → гуцул.²⁹ *пекун* ‘чорт’,³⁰ *щез би!* [чтоб ты исчез!] → *щезби*, *щезник*, *щезун*, известных в гуцульском и других юго-западных украинских говорах, причем в буковинских говорах – вариант *оцизник* ‘злой дух, черт’,³¹ *скаменів би!* → *скаменушник*; *цур тобі!* *цураха му!* → демоним *цураха*.³²

Скорее всего, имя *осинавец* образовано от слова *осина*, взятого из проклятий в неизменном виде, с помощью суффикса *-ец-* с эпентетическим *-в-/-ў-* для устранения зияния. Оно имеет стандартный вид демонима, ср., например: укр. *хованец*, *годованец*, *літавец*, пол. *latawiec* (отглагольные производные); пол. *borowiec*, *martwiec*, болг. *псоголавец* (отадъективные). Морфологически *осинавец* мог бы быть производным от основы прилагательного *осиनावий* с суффиксом *-ец*, однако такому объяснению препятствует то, что такое прилагательное в словарях не зафиксировано (хотя и не исключено его существование в диалектах, значение - ?), при том что имеется прилагательное *осиновий* (... осинового дрюка...)³³ С другой стороны, демоним *осинавец* по семантике сближается с отглагольными образованиями, поскольку производно от названия действия–оберега, то есть в проклятии *осина (тебе)!* имплицитно подразумевается протыкание, битье осиновым колом.

К деривации *осинавца* надо заметить, что демоним образован не прямо от слова *осина* ‘осина, *Populus L.*’ – в этом случае надо было бы ожидать производный демоним с корнем *осин-* (на-

²⁷ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. д., с. 64.

²⁸ Н. Хобзей отмечала, что если лексемы *осинавец* и *осинавчиха* засвидетельствованы в с. Зеленица, то «осина, которое употребляется как лексически связанное слово в разных выражениях, зафиксировано не только в гуцульских говорах: осина би ти; осина тобі; осина му; пек і осина ти!, но и в бойковских: Пек та осина на тебе! Пек тобі, осина! Агу на тя а осина би ти!» (Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. д., с. 148-149), а также в закарпатской Торуни (см. ниже).

²⁹ Демоним *пекун* записан В. Шухевичем в гуцульских говорах Верховинского района (см. Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. д., с. 150), хотя проклятие *пек му!* в украинских диалектах и в литературном языке общепотребительно (Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. д., с. 151, см. также Етимологічний словник української мови. Том 6. Київ: Наукова думка, 2012, с. 110). Впрочем, в гуцульской демонологии есть еще ряд имен демонов, неизвестных ни в других регионах, ни в других говорах Украины, например, *чугаїстир*, *тарактенник*, *самосій*.

³⁰ Шухевич, В.: Гуцульщина. Ч. 5. Львов: Загальна Друкарня, 1908, с. 6; Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. д., с. 150.

³¹ Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. д., с. 191-193.

³² *Цураха* в качестве названия черта мне нигде не встретилось, о нем упоминает только Н. И. Зубов: «пор. лише апотропєічні вирази *цур тобі пек!* або *скаменів би!*, які дають назви чорта *цураха*, *пекун*, *скаменушник* тощо», см. Зубов, М. І.: Кілька етимологічних зауважень до назв слов'янських міфологічних персонажів. In: Мовознавство, 2010, 2-3, с. 119, однако типологически важно, что слово *цур* в качестве онома зафиксировано в польских диалектах: *cur* ‘дьявол, злая сила’: *Niech cię cur weźmie* (ср. Karłowicz, J.: Słownik gwar polskich. T. 1. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1900. T. 1, s. 262).

³³ Словарь української мови. Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Т. 5. Київ: Видавництво академії наук Української РСР, 1959 (надруковано з видання 1907–1909 гг.), с. 761.

пример, *осинник*),³⁴ а именно от готового слова-проклятия *осина́*. Термин *осинник* существует в украинских диалектах, однако с значением ‘осиновый кол’: *Коб покойныкы нэ прыходылы, осыннык забывалы: до сходу сонца трэба статы, колка забыты* (Ковнятин, зап. А. В. Гуры).³⁵

Производность названия *осинавець* от *осина* (*му*) удовлетворительно объясняет удвоенное *с* в словах *осинавець* и *осина*, спорадически появляющихся в демонологических материалах; их надо считать следствием экспрессивного произношения апотропеической формулы: *звуть його звичайно Осинавець (дехто вимовляє Осинаўець), ...стрілеў из тої пушки осинаўціў*,³⁷ бойк. *осина* ‘цур, пек’ – *Снив ми с’а тойї ночи, осина би йему, чорт; Осина би ти*.³⁸ Ср. еще пример из закарпатского села Торунь Межгорского района – с диссимилиацией *сс* → *су*: «**osciná** в составе приговора-оберега от колдуна: *Ščo bosorkán’a, ščo idé taj xvóra céľat’ <...> to wsé «suráxa mu» moliti s’a. «Suráxa mu», ta wsé kazáli: «suráxa b∞ tó», «osciná b∞ tó»* [Что босорканя (ведьма), что идет, и болеют люди... то все «цураха ему» молиться (надо). «Цураха ему», да все говорили: «цураха бы тебе», «осцина бы тебе»]; *Ta totó tak’í, suráxa jim, b∞li [змеи], r’áb’i, s’v’’t’i, osciná b∞ jm* [Это такие, цураха им, были змеи, рябые, светлые, осцина бы им]; *A ľúde s’a boját, ta zakr∞vájut, ta kážut – suráxa mu, osciná b∞ tu, n’aj idé v’its’i na pus’c’i pust∞n’i!* [А люди боятся и закрываются, и говорят – цураха ему, осцина бы ему, пусть идет отсюда на пустые пустыни!].³⁹

Экспрессивная геминация не является чем-то редким в славянских языках (впрочем, и в неславянских тоже), например, в русских говорах: *ссиний* ‘очень, ярко синий» (вят.),⁴⁰ *ссака* (арх.), *ссяка* (костр., яросл., новг.), *ссаки* (твер.) ‘моча’;⁴¹ огорченный преподаватель восклицает: «Эх вы, филологи!»; современные рэперы поют: «ты с умма меня свела...», а в качестве эвфемизмов в Интернет-речи встречаются *блин*, *ссука* или *сцук* и т.п.

Здесь же можно упомянуть другие экспрессивные образования, например, аффиксальные: бойк. *осини́ще*, *осини́шче* (*бодай ти осини́шче!*),⁴² *цураха* (< *цур!*).

Этимология термина *осинавець* вроде бы прозрачна: *осинавець* < *осина!* (слово-оберег), которое считают производным от названия *осины*, учитывая демонологические связи и коннотации этого дерева. Об этом писал Н. И. Толстой: *Осинавець, осина* ‘черт’ (гуцульск. – здесь возможны и особые дендродемонологические представления).⁴³

Так же считает Наталья Хобзей: Слово *осинавець* – производное от *осина* – *Populus L.* По народным представлениям, название дерева могло быть перенесено на другой объект – черта, поскольку «осина проклята за то, что на осине повесился Иуда». «Также известно, что на Гуцульщине крестик из осины был одним из оберегов, который давали новорожденному ребенку. <...> Осина является оберегом в верованиях, связанных с ходячим

³⁴ Ср. по названию дерева ракета – пол. *rokutnik, rokita, rokitka*, см. Санникова, О. В.: Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990, с. 264, 42.

³⁵ Толстая, С. М.: Образ мира в тексте и ритуале. Москва: Университет Дм. Пожарского, 2015, с. 399.

³⁶ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 64.

³⁷ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 15.

³⁸ Онищук, А.: Матеріали до гуцульської демонології..., с. d., с. 27.

³⁹ Николаев, С. Л. – Толстая, М. Н.: Словарь карпатоукраинского торуньского говора. С грамматическим очерком и образцами текстов. Москва: Институт славяноведения РАН, 2001, с. 136.

⁴⁰ Словарь русских народных говоров. Вып. 40. СПб: Наука, 2006. С. 343.

⁴¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 40. С. 338.

⁴² Онишкевич, М. Й.: Словник бойківських говірок. Ч. 2. Київ: Наукова думка, 1984, с. 25.

⁴³ Толстой, Н. И.: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик, 1995, с. 247.

покойником. И. Франко зафиксировал приговор: *Осиновий му кіл у серце!* [Осиновый кол ему в сердце!].⁴⁴

Этимологический словарь украинского языка также придерживается этой версии и объясняет мифоним через связь с дендронимом *осина*, поскольку это дерево считается проклятым, а осиновый кол используется как оберег против упырей: диал. [*осі́на́*] (в выражении *осина кому* ‘чур кому; чтоб ему’, [*осана́*] ‘то же’, [*осена́вець*] ‘черт, бес’, [*осі́на́вець*] ‘то же’ – очевидно, результат семантического видоизменения слова *осина*, названия дерева, которое у христианских народов считается проклятым (по рассказам, на осине повесился апостол Иуда, который выдал Христа на распятие); осиновый кол забивали в могилу покойника, которого считали упырем (чтобы он не вставал ночью); ср. *Нехай йому осина* (Номис), *ТЬфу, осина тобі, маро* (Франко).⁴⁵

Вместе с тем не все ученые согласны с такой этимологией. Например, Николай Иванович Зубов считает сближение с дендронимом *осина* обманчивым, поскольку в ареале бытования демонима, на Гуцульщине, дерево называется *осика*; информанты считают, что кровь *осинавца* не в осине, а в ольхе; важным признается тот факт, что в гуцульских диалектах название *осика* (*осина*) может обозначать осоку (*Carex caespitosa*), при том, что названий черта, производных от названий болот и болотных растений достаточно много. В связи с этим автор считает, что сближение демонима *осинавец* с названием травы *осока* или дерева *осина* (*осика*) является следствием фонетической и словообразовательной трансформации на украинской почве древнерусского *синьць* ‘черный (о дьяволе)’, являющегося калькой древнегреческого *μέλανες*, pl (первым на это сближение указал А. И. Йонеску). Поэтому предлагается считать термины *осинавец* и *черный* в названиях черта историческими синонимами. Далее Н. И. Зубов предполагает разветвление семантики др.-рус. *синьць* ‘дьявол’: переосмысление *осинавец* в сторону сближения с осокой дает значение «тот, что сидит в осоке», а переосмысление в сторону сближения с осиной, которая представляет оберег от этого демона, порождает соответствующий словесный оберег: *той – осина їму* и под.⁴⁶ Эта этимология с пониманием встречена и рядом сотрудников Института славяноведения РАН.

Любая этимология ценна своими аргументами, новым взглядом и дополнительно приводимым материалом,⁴⁷ поэтому не оспаривая в целом возможность происхождения карп.-укр. *осинавец* от др.-рус. *синьць*, все же необходимо отметить, что она встречает фонетические трудности (*siněць* → *osinavěць*); что в гуцульских говорах, как и в других западно-украинских, словари фиксируют наряду с *осика* и слово *осина*: гуцул. *осі́на* / *осі́чина* / *трепéта* (*трапéта*) – осина (*Populus tremula*),⁴⁸ гуцул. *осі́на* ‘осина’: *Осі́на скóро рустé, а лист одна́кей, як топóле, топóле май ні́ска*;⁴⁹ *осика, осина, осичина, осичник, [осечка]* ‘осика’, [*осі́ка, гусі́ка, вусі́ка*] ‘то же’ – псл. *osina, osika*. **osa* < **opsa*;⁵⁰ *осина* ‘название дерева’, *осі́нний*

⁴⁴ Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. d., с. 149-150.

⁴⁵ Этимологічний словник..., с. d., с. 220.

⁴⁶ Зубов, М. І.: Кілька етимологічних зауважень..., с. d., с. 119-120.

⁴⁷ Развитие этой идеи Н. И. Зубова, то есть принятие этимологии от др.-рус. *синьць* и учет связи слов с корнем **sinj-* с гнездом **senj-* ‘тень, сень’, см. Царегородцева, О. В.: Реализация семантического перехода ‘светить’ → ‘темнеть’ в системе светообозначений и их производных в русском языке. In: Язык и культура, 2010, № 2 (10), с. 67-75, привело бы к возможности сопоставления гуцул. *осинавец* с в.-серб. *осења* ‘нечистая сила; дух, заставляющий блуждать’, также с.-х. *осен* ‘сень, тень’, *сјен, сјеновник*, болг. *сенка*, этимологически связанных с праслав. **sěнь* ‘тень’ (ср. также с.-х. *осена* ‘отблеск’, *осенити* ‘закрывать от света, затенить’, ‘осветить’ ср. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 4. Нови Сад: Матица српска, 1990, с. 203) через семантику света и тени, мерцания, угасания и темноты (ср. *сень* – и сияние, мерцать – и мрак).

⁴⁸ Закревська, Я. (відп. ред.): Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича Національної академії наук України, 1997, с. 141.

⁴⁹ Хобзей, Н. – Ястремська, Т. – Сімович, О. – Дидик-Меуш, Г.: Гуцульські світи, с. d., с. 443.

⁵⁰ Этимологічний словник..., с. d., с. 219.

гриб, осінній синяк ‘подосиновик’.⁵¹ Кроме того, сюжет этимологического сказания о том, что древесина ольхи красноватая (красновато-белая, красновато-желтая, а свежесрубленная древесина выглядит ярко оранжево-красной) не играет решающей роли для этимологии слова *осинавець*. Мотивировка этого демониума вовсе не обязательно должна быть связана с легендой о крови Убитого черта, скорее направление мотивации является обратным: ольху следовало бы назвать «чертовым деревом» благодаря цвету ее древесины.⁵² Также на размышления наводит и факт бытования (формирования?) демониума *осинавець* (если из *синьць*) в горных гуцульских селах, скорее всего, с неграмотным населением, в то время как др.-рус. *синьць* ‘эфиоп, негр’, ‘бес’ фигурировало в письменных источниках (Житиях Василия Нового и Андрея Юродивого и др.).⁵³ Правда, М. Н. Власова приводит имя *синец*, а также *синий*, *синеобразный* ‘нечистый дух; бес, черт’ для русской демонологической традиции, но для иллюстрации термина цитирует Ф. А. Рязановского:⁵⁴ «[В памятниках древнерусской литературы] чаще встречается бес в образе «черного мурина» [эфиопа], «темнообразного *синца*», хотя эфиопов не видывал, наверное, никто из русских того времени». Других терминов, кроме единственного: урал. *девка Синюшка* – не приводится, лишь указывается на то, что «синим» (черным) изображали беса, и что демоны, по поверьям Русского Севера, имеют синюю кровь.⁵⁵

Этнолингвистический материал все же свидетельствует о производности, в конечном счете, демониума *осинавець* от дендронима *осина* через стадию семантического изменения последнего в междометие-оберег. Высокая частотность употребления слова *осі́на* (самостоятельно или в составе фразеологизмов), в юго-западных украинских говорах обусловила как утрату части исконной дендрологической семантики, так и приобретение новых, апотропеических смыслов, что облегчило образование на его основе демониума. Семантическими изменениями обусловлено и передвижение ударения в части употреблений слова *осина*. Однако разное ударение в названии дерева *осі́на* и проклятия *оси́на* в фразеологизмах в гуцульских и бойковских говорах, о чем писала Н. Хобзей,⁵⁶ наблюдается непосредственно. В ряде случаев и в фраземах-проклятиях, в том числе свернутых до одного слова, указывается ударение *ос(с)і́на*, *осі́на*.⁵⁷

К фонетике слов можно добавить возможность произношения *осина* (проклятия) в карпато-украинских диалектах как *осена* и даже *осана*,⁵⁸ *осинна*.⁵⁹ Поэтому, кажется, нельзя исключить воздействия – в связи с окказиональным фонетическим совпадением – ментального стереотипа церковного *Осанна!* как возгласа-восхваления Господа в качестве вербального оберега, аналогичного оберегу акциональному – крестному знаменю. Возможность такого влияния подкрепляет распространенность на Карпатах такого христианского вербального оберега: при появлении привидения, *старха*, душ умерших надо было произнести: «Каждое дыхание да хвалит Господа!».⁶⁰ В славянских быличках упоминание имени Господа приводит к исчезновению нечистой силы.

⁵¹ Гуїванюк, Н. В. (заг. ред.): Словник буковинських говірок. Чернівці: Рута, 2005, с. 369.

⁵² Справедливости ради, скажем, что и древесина осины в сердцевине тоже окрашена в красноватый цвет.

⁵³ См. Пичхадзе, А. А.: Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2011, с. 129.

⁵⁴ Рязановский, Ф. А.: Демонология в древнерусской литературе. Москва, 1915.

⁵⁵ Власова, М. Н.: Новая АБЕВЕГА русских суеверий. Иллюстрированный словарь. Санкт-Петербург: «Северо-Запад», 1995, с. 319.

⁵⁶ Хобзей, Н.: Гуцульська міфологія, с. d., с. 150.

⁵⁷ Етимологічний словник української мови. Том 4. Київ: Наукова думка, 2003, с. 220; Хобзей, Н. – Ястремська, Т. – Сімович, О. – Дидик-Меуш, Г.: Гуцульські світи, с. d., с. 133, 443, 593, 595, 645; в материалах А. Онищука ударение не проставлено.

⁵⁸ Етимологічний словник..., с. d., с. 220.

⁵⁹ Зубов, М. І.: Кілька етимологічних зауважень..., с. d., с. 119.

⁶⁰ См. подробнее об этом сюжете: Толстая, М. Н.: Две церковнославянские формулы в мифологии украинского Закарпатья. In: Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. Москва: Индрик, 2019, с. 96-113.

Семантика самого проклятия *ос(с)ина!* в свою очередь, безусловно производна от культурной семантики дерева. О мифологии осины в славянской традиционной культуре уже немало написано. Приведу несколько цитат из основательного и многоаспектного этно-лингвистического описания этого дерева в статье Т. А. Агапкиной, а именно демонологические характеристики и связи осины.

В одной стороны, это «нечистое» дерево, место обитания черта и другой нечистой силы: «В местах, где в изобилии растет осина, «вьются» или «гуляют» черти. «Осину черт колышет», «осина черта носила» – так объясняют дрожание осиновых листьев (в.-слав). Осина «притягивает» к себе всю нечисть: на ней сидит лешачиха (жена лешего; рус.), русалки появляются на троицкой неделе, в том числе часто в таких местах, где растет много осин (укр.), и т.п. Ведьма, колдун приходят к огню, разведенному из осиновых полевьев или веток (бел., укр., пол.)»,⁶¹ а также в заговорах на наведение порчи: «У озера распроклятое дерево осина. На этом дереве сидит черт с чертовкой, бьются, дерутся, царапаются в кровь...» (рус.).⁶²

Через осину происходит контакт с нечистой силой: «Желая завести дружбу с лешим, человек должен был встать на ствол осины...», «чтобы вернуть себе подмененного демонами ребенка, надо было положить «подменьша» на осиновые ветки или под осиновое корыто и сильно побить...»; «... способом превращения в волколака считалось кувыркание через 3, 5 или 7 осиновых колышков, забитых в землю острием вверх (бел.)». ⁶³

Сами демонические существа могут принять вид осинового полена: «Хозяева находят в доме осиновый чурбан, при ударе по которому из него начинает течь кровь; наутро соседку-ведьму находят дома ободранной и избитой (рус., сибир.)»; «"Подменьш" ... в колыбели принимает вид осинового полена (рус., сибир.)». ⁶⁴

Вместе с тем, в духе амбивалентности, ярко представленной в традиционной народной культуре, осина и просто ее упоминание является оберегом. «Осина выступает исключительно как оберег», «втыкание кола или ветки осины в землю имеет «останавливающее» значение: это действие призвано сохранить будущее благополучие и порядок, имевшие место в момент исполнения ритуала, или, напротив, остановить зло, «пригвоздив» его в данном месте и в данное время». ⁶⁵ Хорошо известны примеры, что в могилу предполагаемого упыря вбивали осиновый кол, клали на грудь умершему осиновые крестики или щепки, водружали осиновый крест (в.-слав., пол.). ⁶⁶

Как показала Т. А. Агапкина, «комплекс символических значений и функций осины актуализировался главным образом у восточных славян (а также в некоторых сопредельных регионах восточной Польши и Словакии)...». ⁶⁷ Однако на других восточнославянских территориях термин *осинавец* (или подобный ему) не возник, очевидно, в связи с отсутствием вербального оберега *осина тебе (ему)!* Для Полесья, например, причиной могла послужить вообще смысловая нерасчлененность мифологических концептов, синкретизм образов и мотивов, небольшая вариативность персонажного ряда и слабая терминологическая оформленность персонажей. ⁶⁸

⁶¹ Агапкина, Т. А.: Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного описания). In: Кодови словенских культура. Брой 1. Бильке. Београд, 1996, с. 13.

⁶² Агапкина, Т. А.: Символика деревьев..., с. d., с. 10.

⁶³ Агапкина, Т. А.: Символика деревьев..., с. d., с. 11, 13.

⁶⁴ Агапкина, Т. А.: Символика деревьев..., с. d., с. 13.

⁶⁵ Агапкина, Т. А.: Символика деревьев..., с. d., с. 14.

⁶⁶ Агапкина, Т. А.: Символика деревьев..., с. d., с. 15.

⁶⁷ Агапкина, Т. А.: Символика деревьев..., с. d., с. 21.

⁶⁸ Виноградова, Л. Н.: Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. Москва: Индрик, 2016, с. 66.

Но и в других регионах Карпат этого термина тоже не зафиксировано. Он неизвестен ни другим карпато-украинским традициям, ни польским лемкам, ни русинам Восточной Словакии, демонология которых тесно связана с закарпатской и прикарпатской украинской.

Пути образования терминов в народной культуре – процесс многоаспектный и не всегда предсказуемый. Учитывая народную основу словотворчества, нельзя исключать и роль отдельной талантливой личности, удачно «придумавшей» термин, и имевшей неизвестный нам когнитивный опыт. Возможно, так можно было бы объяснить факт возникновения термина *осинавец* лишь в локальном говоре с. Зеленица при более широком распространении отгонной формулы *осина му!* в карпато-украинском регионе.

To Semantics and Etymology of Carpathian-Ukrainian *Osinavets*

Marina M. Valentsova

Hutsul demonyms *osinavets* ‘devil; enriching demon’ and *osinavchikha* ‘wild woman, forest devil’ have been known in the dialect of the village Zelenitsa since the beginning of the 19th century, described by A. Onyshchuk. The formation of this name can be traced in adjacent mythological contexts, where the devil is euphemistically called *He*, *That*, etc. with the permanent addition of the apotropaic formula: *Abi ti pek, ossina jim!* *osina mu!* [So that tar to You, aspen to him!]. The analysis of the contexts showed that *osina mu!* and its elliptical contraction to the amulet word *osina!* are used as synonyms. The more, the latter word has not agreement with the designated characters in number and case. There is every reason to believe that the *osinavets* was formed from the word *osina!* in the meaning of a curse, that is, as a wish for the devil to be pierced with an aspen stake. This etymology adequately explains gemination both in the curse itself: *ossina*, *osinna*, and in the demonym *ossinavets*. This version is supported by the cultural semantics of the aspen tree (*Populus L.*), which is considered an “unclean”, “devil” tree and at the same time a protective amulet against evil spirits.